

«ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА» ДЖ. БАРНСА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТАРОМАН

(Научный руководитель – канд. филол. наук Е. А. Климович)

Творческое наследие английского писателя Джулиана Барнса настолько разнообразно и разносторонне – как в формально-экспериментальном, так и в тематическом аспектах, – что журналистка Мира Стаут называет его «хамелеоном британской литературы» [3].

Ряд произведений писателя, в том числе роман «Попугай Флобера», относятся к жанру историографического метаромана. По определению канадской исследовательницы Линды Хатчеон, термин «историографическая метафигция» применим к романам, изображающим исторические личности и события и при этом обладающим саморефлексивным характером повествования [2, с. 5]. Историографическая метафигция является разновидностью постмодернистского романа, в котором рассматривается проблема толкования исторических событий, соотношения вымышленного и реального, исторического факта и индивидуального опыта.

Тема романа «Попугай Флобера» – история жизни французского писателя. Специфика хронотопа романа обусловлена взаимодействием двух временных пластов – девятнадцатого века (эпохи Гюстава Флобера) и двадцатого века (современности рассказчика Джеффри Брэйтуэйта). Прошлое проникает в настоящее, которое, в свою очередь, влияет на интерпретацию исторических событий. Кроме того, невозможно четко разграничить исторический факт и художественный вымысел. В повествование вплетаются не только части дневниковых записей и писем, но и цитаты из произведений. Жизнь героев Флобера становится такой же реальной, как жизнь писателя или рассказчика.

Развитие повествования связано с находкой необычного артефакта – чучела попугая, которое стояло на столе Г. Флобера и вдохновило писателя на создание образа попугая Лулу в повести «Простая душа». В отличие от рукописи или портрета чучело попугая не может пополнить исследование существенными объективными фактами, которые помогли бы профессиональному исследователю открыть детали биографии писателя. Таким образом, главный материальный объект поиска не способен что-то «сказать». Молчаливое чучело попугая воплощает постулат постмодернизма о непостижимости истины, появляются новые вопросы и загадки, ответы на которые найти невозможно.

Поиски ведет рассказчик Джеффри Брэйтуэйт, путешествующий по флоберовским местам. Он любит Францию и страстно увлечен изучением творчества и биографии Флобера. Брэйтуэйт не историк или литературовед, поэтому рамки научного подхода не мешают ему делать неожиданные предположения и открытия. Он пропускает все сведения через свой жизненный опыт, мировоззрение и собственное отношение к писателю.

Попугай становится для Брэйтуэйта шансом узнать «настоящего» Флобера, сделать личность писателя еще более близкой и реальной: «I gazed at the bird, and to my surprise felt ardently in touch with this writer who disdainfully forbade posterity to take any personal interest in him. His statue was a retreat; his house had been knocked down; his books naturally had their own life – responses to them weren't responses to him. But here, in this unexceptional green parrot, preserved in a routine yet mysterious fashion, was something which made me feel I had almost known the writer. I was both moved and cheered» [1]. Эпиграф романа («When you write the biography of a friend, you must do it as if you were taking revenge for him» [1]), цитирующий Флобера, указывает на то, что эта биография противостоит традиционным взглядам, ставит их под сомнение и таким образом защищает писателя от однозначной оценки как его жизни, так и его творчества.

Брэйтуэйт пытается вернуть прошлое, которое всегда непросто понять и осознать. Не случайно в романе метафорой времени становится смазанный жиром поросенок, ускользающий из рук: «How do we seize the past? Can we ever do so? When I was a medical student some pranksters at an end-of-term dance released into the hall a piglet which had been smeared with grease. It squirmed between legs, evaded capture, squealed a lot. People fell over trying to grasp it, and were made to look ridiculous in the process. The past often seems to behave like that piglet» [1]. Когда Брэйтуэйту казалось, что личные письма Флобера помогут сделать ошеломительное открытие, выяснилось, что они сожжены одержимым исследователем Уинтертоном. Кажущееся приближение к разгадке разочаровывает и оставляет еще больше вопросов, так как полученные сведения не доказаны, но и назвать их однозначно ложными нельзя.

Биография сравнивается с рыболовной сетью, которую можно назвать дырами, связанными бечевкой. Много ускользает от внимания биографа или недоступно ему: «But think of everything that got away, that fled with the last deathbed exhalation of the biographee. What chance would the craftiest biographer stand against the subject who saw him coming and decided to amuse himself?» [1]. Что-то навсегда уходит вместе с героем биографии, а новые источники могут перевернуть наше представление о нем, но оказаться лживыми.

Дневниковые записи, многочисленные воспоминания и письма друзей Флобера проливают свет на прошлое, одновременно затемняя его, делая все более запутанным. Возникает вопрос: всегда ли можно доверять словам самого Флобера, который иногда противоречит сам себе. Все, что дает нам знание о прошлом, заключено в текстах, природа которых обманчива и неоднозначна. Роман поднимает волнующий постмодернистов вопрос о возможности объективного взгляда на историю, переданную в субъективных рассказах. «We can study files for decades, but every so often we are tempted to throw up our hands and declare that history is merely another literary genre: the past is autobiographical fiction pretending to be a parliamentary report» [1].

Рассказчика интересует в большей степени прошлое Флобера, чем свое собственное. Мирвосприятие Брэйтуэйта во многом обусловлено личностью писателя. Так, воспоминания о пребывании в Руане в 1944 году не волнуют

нарратора и не вызывают эмоций: «I was close to where friends had died – the sudden friends those years produced – and yet I felt unmoved» [1].

Личное прошлое кажется Брэйтуэйту менее реальным, чем жизнь давно умершего писателя, знакомого лишь по прочитанным книгам и музейным экспонатам, подлинность которых далеко не однозначна. Следовательно, вымысел, проникнутый идеей и переживанием, волнует больше, чем реальные события собственной биографии. Такое смещение акцентов с фактологии в фиктивность является характерной чертой историографического метаромана. Известно, что художественный вымысел вызывал у Флобера больше эмоций, чем реальное событие. Например, в связи со смертью сестры Каролины Флобер признавался: «My own eyes are as dry as marble. It's strange how sorrows in fiction make me open up and overflow with feeling, whereas real sorrows remain hard and bitter in my heart, turning to crystal as soon as they arise» [1]. Роман «Попугай Флобера» ставит вопрос о соотношении жизни и литературы (глава «Письменный экзамен»), которые влияют друг на друга настолько, что иногда их невозможно разграничить. Искусство имитирует жизнь, а жизнь – искусство.

Проблема соотношения правды и вымысла, литературы и жизни переходит внутрь романа, становится частью рассуждений рассказчика. Являясь метафигиональным произведением, роман «Попугай Флобера» содержит анализ литературы и саморефлексию. Рассказчик подводит читателя к восприятию содержания следующих глав, анализирует собственную стратегию повествования и выстраивает возможный ход мыслей читателя: «You can see, at least, the colour of my eyes. Not as complicated as Emma Bovary's, are they? But do they help you? They might mislead. I'm not being coy; I'm trying to be useful. Do you know the colour of Flaubert's eyes? No, you don't: for the simple reason that I suppressed it a few pages ago. I didn't want you to be tempted by cheap conclusions. See how carefully I look after you. You don't like it? I know you don't like it [1].

Таким образом, роман Дж. Барнса «Попугай Флобера» обладает чертами историографического метаромана. История предстает совокупностью интерпретаций, зависящих от личностей рассказчиков и сохранившихся свидетельств. Случайно найденный артефакт способен изменить устоявшийся взгляд на события прошлого, поэтому знание истории всегда остается неполным. Это порождает ситуацию множественности истин и делает факт и вымысел неразличимыми. Однако попытки литературно-исторического переосмысления истории, даже если они не дают однозначных ответов, важны, т.к. помогают полнее осознать современную действительность.

Литература

1. *Barnes, J.* Flaubert's Parrot [Electronic resource] / New York: Vintage Books, 1990. – Mode of access: <http://www.torrentino.net/torrent/702807>. – Date of access: 10.09.2014.

2. *Hutcheon, L.* Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction / L. Hutcheon. – New York & London : Taylor & Francis e-Library, 2004. – 268 p.

3. *Stout, M. Chameleon Novelist / M. Stout // New York Times Magazine [Electronic resource].* – 1992. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/books/01/02/25/specials/barnes-chameleon.html>. – Date of access: 15.11.2014.